

Роскошное, вдумчивое и соблазнительное
переосмысление мифов о Дракуле

Джули Си Дао

И сгустился туман
Книга 2

18+

The Big Book

Джули Си Дао

**И сгустился туман. Книга
2. И забрезжил рассвет**

«Азбука»

2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дао Д.

И сгустился туман. Книга 2. И забрезжил рассвет / Д. Дао —
«Азбука», 2025 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-33922-4

История «идеальной женщины эпохи» продолжается! Своенравная Люси Вестенра, героиня знаменитого романа Брэма Стокера, встречает загадочного графа по имени Влад. Перед его обаянием устоять невозможно, и Люси соглашается на то, чтобы он превратил ее в вампира. Жалеть о принятом решении поздно, и поскольку впереди целая вечность, надо провести ее с пользой. Люси отправляется в путешествие, заводит новые знакомства и отчаянно борется со своей кровожадной природой. Между тем старые друзья и покинутый жених Люси не желают мириться с потерей и надеются исправить роковую ошибку. Однако находятся те, кто считает новообращенную вампиршу опасной. Они твердо убеждены, что ей не место на земле, и охотятся за ней по всей Европе. Тем временем вечный ревнивец и манипулятор Влад затевает новую игру в кошки-мышки. Он обращает свой взор на Мину, лучшую подругу Люси, и той придется призвать на помощь весь свой ум и все мужество, чтобы противостоять не только своим врагам, но и ненасытному графу. В 2025 году роман Джули Си Дао «И сгустился туман» получил премию Ассоциации романтической литературы как лучшая книга в категории «романтическая фэнтези». «И забрезжил рассвет» – потрясающее завершение дилогии, в которой переосмыслен миф о Дракуле. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-33922-4

© Дао Д., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джули Си Дао

И сгустился туман

Книга 2 «И забрезжил рассвет»

Оформление обложки Егора Саламашенко.

Julie C. Dao
SO BLOOMS THE DAWN
Copyright © 2025 by Julie C. Dao
All rights reserved

© А. С. Шабрин, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

* * *

*Женщинам моей семьи, которые пересекли океаны ради того,
чтобы их дочери могли мечтать*

*Дева рухнула без чувств.
Выпит жизнью или снами,
Сил ее источник пуст.
Кровь ушла из нежных жил.
Торжествует смерть иль жизнь?*

Кристина Россетти. Базар гоблинов (Перевод Б. Ривкина)

Глава первая

Поезд – на редкость элегантное сооружение, окрашенное в золото и благородную синь, с надраенными до блеска боками. Чугунные колеса проглядывают в клубах серебристого дыма, бесцеремонно взбиваемого сотнями ног всевозможной публики, что озабоченно снует по перрону. Галдят, размахивая своим свежим товаром, мальчишки-газетчики, перекрикиваются поверх скопищ тележек и чемоданов носильщики, а важные кондукторы в форменных сюртуках изучают расписание и строго поглядывают на часы-луковицы.

Посреди этого бурления жизни, полного новых запахов, картин и звуков, я на минуту забываю, кто я такая и чем стала. Забываю, что я отрешилась ото всех, кого любила, причем, возможно, навсегда; что я вопиюще одинока в этом мире и одиночество мое продлится еще не одно столетие. Я просто Люси Вестенра, двадцати лет от роду, трепещущая от волнения в предвкушении своего первого путешествия. Сколько себя помню, я всегда завидовала тем людям, у кого есть возможность странствовать по свету, открывая незнакомые города и страны, а вот теперь и сама отправляюсь в путь. Как трогательно удивилась бы Мина, если бы могла видеть меня сейчас! Мысль о любимой подруге мгновенно рассеивает радость, и кисея темной вуали вздрагивает от глубокого вздоха; на плечи снова давит груз воспоминаний.

Носильщик, приближаясь ко мне по перрону, сдергивает фуражку. Для всех других женщин у него заготовлены обольстительные улыбки, однако при виде моего элегантного черного траурного платья лицо его становится мрачновато-серьезным. Я знаю, что похожа на скорбящую молодую вдову со средствами, – именно такой вид стремится придать мне Влад.

– Могу я взять ваши чемоданы, мэм? – спрашивает носильщик голосом низким и почтительным.

Он стоит на достаточно близком расстоянии, чтобы сквозь дымчатую кисею вуали разглядеть мое лицо, и я чувствую, как при виде моих больших раскосых темных глаз и карминовых губ сердце носильщика начинает биться быстрее. Его вены источают теплый и пряный аромат, что-то вроде корицы.

Стоит лишь растянуть губы в благожелательной улыбке, как его пульс разгоняется еще сильнее. Яд, что таится внутри вампиров, обладает извечной способностью делать их неотразимыми для своей жертвы, иначе просто не выжить. Этого недотепу я могла бы заполучить в мгновение ока. Можно насрать туман, который нас скроет, прижать беднягу к стенке вагона и, припав губами, выщедить из его горла всю жизнь до последней капли – он будет только рад и благодарно оголит на коже местечко под укус. Но стыд, холодный как лед, растворяет мой голод. Я сердито прижимаю язык к острым клыкам, которые уже так и норовят выдвинуться из десен.

– Да, будьте добры. А это я понесу сама. – Я указываю на свою кожаную сумочку.

Ни один человеческий нос не уловит запаха сырой оленины внутри, особенно если она тщательно завернута в несколько слоев вощенной бумаги, но я нахожу терпкий аромат крови и сухожилий успокаивающим. Кровь животных по сравнению с человеческой более жидкая и довольно безвкусна, но этот скудный рацион послужит мне страховкой от вреда, который я могу невзначай причинить другим. Я вполне способна на нем продержаться. И я *продержусь*.

Носильщик поднимает чемоданы на тележку и, шествуя впереди, подводит пассажирку к вагону первого класса. Здесь он ставит мой багаж в камеру хранения, а мне сует листок бумаги.

– Как прибудете в Дувр, мэм, отдайте это любому носильщику. Он почтет за честь выдать ваши вещи и доставить их куда прикажете.

Я забираюсь в раззолоченный, помпезный вагон с низким полированным потолком и стенами из роскошного красного дерева. Вдоль стен расположены обитые темно-синим бархатом кресла, изящные деревянные столики и большие окна с зеркальными стеклами. В вагоне пока

еще достаточно пусто – настолько, что я могу осторожно приподнять вуаль и взыскательно оглядеться...

Внезапно взор мой выхватывает воистину ужасающую картину.

Чуть справа от меня стоит невысокая женщина, вся с головы до ног закутанная в черное. Изящная рука приподнимает вуаль, открывая бледное, забрызганное кровью лицо. Алые капли змеятся по щекам, подобно каким-нибудь червеобразным живым созданиям; белки глаз и те набрякли красным, как будто кто-то вспорол артерию, а порыв дьявольского ветра обдал всю ее кожу брызгами темной крови.

Тихонько ахнув, дама роняет вуаль... и тут до меня доходит, что я смотрю на свое собственное, болезненно искаженное отражение. Этот вагон весь увешан зеркалами, в одном из которых видна моя ужасная тень – свидетельство того, кем я теперь стала по своему собственному выбору: я сейчас вижу то, что можно узреть только в отражающих поверхностях.

Кто-то вблизи деликатно прочищает горло:

– Мэм, вы позволите пройти?

– Ой, простите, – извиняюсь я, выходя из транса.

Оказывается, позади в проходе уже успела образоваться небольшая очередь из нетерпеливых пассажиров. Я легонько прижимаю вуаль к лицу и ступаю дальше, зная, что никто даже не подозревает о том, сколь чудовищную картину я только что лицезрела. А если бы окружающие все же заметили?

Вспоминаю строгие внушения Влада: «Ты ни под каким видом меня не выдашь, никогда и никому обо мне не скажешь». Истеричный смех едва не прорывается наружу, когда я представляю, как объясняю ему, что невзначай повергла в панику целый вагон. «По какой-то причине, – мысленно оправдываюсь я, – они увидели и сразу невзлюбили мое отражение в зеркале, забрызганное кровью». В ответ Влад, возможно, наконец-то оторвет мне голову, как то и дело грозит. Ох уж эта новая, самая безрассудная супруга, которая и без того подвергла опасности его пребывание в Англии, прежде чем ее удалось благополучно сплавить в отдаленный замок, спрятанный в глубине Карпатских гор.

Однако любопытно, взбеленился бы Влад – или же пришел бы в замешательство? Сам он не отражается в зеркалах вообще: алхимия света, стекла и серебра его не различает. У меня же проклятие вампиризма проявляется по-иному, и я старательно скрываю эту свою особенность, стараясь лишний раз о ней не думать, ибо знаю, что Влад способен читать мои мысли. Возможно, когда-нибудь я научусь использовать упомянутое свойство в собственных интересах.

Солнечный свет обильно льется в вагон, окутывая меня успокоительным теплом. Вот еще одно отличие: по словам Влада, солнце кромсает его на куски будто ножами, тогда как я по-прежнему могу поднимать лицо к небу в ясный день, как будто никогда и не менялась. Словно бы я – все еще та прежняя Люси, которая передвигается быстрой легкой походкой, танцует на утесах в Уитби, где вольно дышится морским воздухом, а затем возвращается домой к своей матери и возлюбленному, чьи карие глаза при виде нее загораются теплым светом.

Воспоминание об Артуре Холмвуде – как он прикасается к моему лицу и прикивает губами к волосам – заставляет меня облокотиться на стол; внутрь, вонзая острые зубы в мое холодное мертвое сердце, прокрадывается безнадежная тоска.

– Мэм? – подает осторожный голос джентльмен сзади меня.

Я чувствую запах содержимого его жил, равно как и жил других людей, входящих в вагон. Повсюду витает пьянящий аромат крови, соли и пота, и, хотя я позаботилась как следует подкрепиться перед выездом, мне все же не следует оставаться среди таких соблазнов. Во всяком случае, когда Влад может наблюдать за каждым моим шагом изнутри моего сознания.

Я спешу в конец вагона, где в купе есть раздвижные стеклянные двери и шторы для уединения. Сейчас лучше всего спрятаться от любопытных глаз и вен, набухающих горячей кровью.

Я замечаю идущего по коридору мужчину в шляпе и длинном светло-коричневом плаще. Я вижу этого человека со спины, но что-то в его фигуре и в хищной упругости его походки кажется настолько знакомым, что аж дыхание перехватывает. У меня почти нет сомнений в том, что это не кто иной, как Квинси Моррис. В любой момент он может обернуться, и я увижу его мужественное лицо цвета эбенового дерева, с широким носом и темно-кариими глазами, у которых, когда он улыбается, появляются лучики морщинок. Да вот только мне он больше не улыбнется никогда.

Квинси Моррис, который пылал ко мне любовью и мечтал увезти с собою в Новый Свет. Квинси Моррис, который теперь желает моей гибели.

Мужчина исчезает в купе, и, хотя я знаю, что это не может быть мой бывший друг (он сейчас уже наверняка на корабле, держащем курс в Америку), в трещины моей разбитой души вновь просачивается отчаяние. Смерть однажды воззвала ко мне нежным, медоточивым голосом, и я открыла ей свои объятия и сердце – мечтая вновь воссоединиться с теми, кого любила и навеки утратила, особенно с моим дорогим папá. Но теперь, когда я отдала себя во власть Смерти и отныне неразрывно связана с нею навеки, я понимаю, что совершила глупость. Ибо все, кого я знаю, один за другим сойдут в могилу, а я навсегда останусь в этом треклятом существовании – пойманная в ловушку, одинокая и полная сожалений.

К горлу подступает комок. Но терять самообладание нельзя. Я просто не могу позволить себе этого здесь, на глазах у всей публики. Если так уж хочется разрыдаться, надо найти какое-нибудь укромное и безопасное место, где меня никто не увидит, и забиться туда. Но, похоже, все места вокруг заняты. При этой мысли паника в моей душе нарастает и... внезапно переплавляется в надежду и даже радость, столь же необузданную.

В купе слева я вижу Мину в сером с голубоватым отливом дорожном костюме и шляпке, кокетливо сидящей на ее пышных золотистых волосах. Отвернувшись, Мина смотрит на оживленный перрон, в то время как некий молодой человек напротив что-то бубнит, безуспешно пытаясь привлечь ее внимание. На вид ему лет двадцать пять – светлые волосы, безвольный подбородок, водянисто-голубые глаза... Почувствовав на себе мой взгляд, он недовольно нахохливается, но я не обращаю на это ни малейшего внимания.

Тут девушка оборачивается, и я вижу, что это не Мина, а всего лишь какая-то незнакомка, отчасти на нее похожая. Моя подруга никогда бы не нацепила шляпку под таким ухарски-кокетливым углом и не встретила бы взгляд другой женщины столь дерзко. Незнакомка смотрит на меня без всякого смущения, даже, пожалуй, с некоторым вызовом, а выражение лица у нее при этом одновременно отчужденное и фамильярное: брови над небесно-синими глазами изогнуты, а губы кривятся при виде моего явного восхищения (адресованного, конечно же, вовсе не ей). Спутник девушки произносит что-то неслышное через стекло, но заметно, что говорит он раздраженным тоном. Я отворачиваюсь, слегка сконфуженная. Надо же, как чутко отреагировало мое безжизненное сердце, встрепенувшись при виде незнакомки, на чьем лице я узрела любимые черты Мины.

– Вы ищете, где бы присесть? – шелестит сухой, как пергамент, голос.

Он принадлежит пожилой женщине из купе напротив. Ее темные глаза кажутся неуместно молодыми на изрезанном глубокими морщинами лице. Руки унизаны массивными золотыми кольцами, а дорожная накидка сшита из роскошного бордового бархата. Дама говорит с заметным акцентом, присущим выходцам из Центральной Европы.

– Очень неудобно вас беспокоить... – начинаю я.

Она прерывает меня властным взмахом морщинистой руки – жестом человека, который привык, что ему повинуются.

– Вздор. Я путешествую без горничной и не прочь обзавестись компанией. Так что входите.

Я обещала Владу во время путешествия вести себя *осмотрительно*... Однако куда как рискованней сидеть четыре часа в переполненном вагоне, чем запереться в купе с престарелой дамой, запах несвежей крови которой меня совершенно, ну ни капельки, не прельщает. К тому же она сама пригласила меня войти, да еще так настойчиво, будто втянула на веревке. Мы с Владом можем по-разному реагировать на солнечный свет и зеркала, но что нас объединяет, так это непротивление приглашениям наших жертв. А потому, кивнув в знак благодарности, я вхожу и задвигаю стеклянную дверь.

– И что же, я не увижу лица моей попутчицы? – задает дама вопрос, едва я усаживаюсь напротив нее.

– Я, видите ли, вдова и должна иметь уважение к праху усопших, – отвечаю я дежурной фразой.

Признаться, эта вуаль раздражала меня все утро, и я приподнимаю темную кружевную ткань на верх шляпы, а после минутного колебания снимаю и свои длинные черные перчатки.

Пожилая женщина неторопливо переводит взор с моего лица на руки, изучая украшения. На правой руке у меня два кольца. Первое – серебряное с зеленым нефритом – семейная реликвия моей прабабушки Вань, некогда блиставшей при дворе вьетнамского императора. Второе – золотое, с бриллиантом и двумя изумрудами – подарил мне Артур на помолвку. Была мысль носить его на цепочке под платьем, чтобы как-то загладить душевную боль, оживающую всякий раз, когда я смотрю на это колечко, но мне так и не хватило духу снять его. А на левой руке – медный перстенок с кроваво-красным гранатом, который Влад с самодовольным видом надел мне на безымянный палец в знак обладания мною.

– Что-то вы слишком молоды для вдовицы, – замечает моя пожилая попутчица.

– А вот я себя молодой не чувствую, – печально улыбаюсь я в ответ.

Это ведь ложь – заявлять, что я вдова, когда на самом деле я супруга мужчины, которого никак нельзя считать живым? Или же, напротив, в этом как раз и заключается правда?

В немигающем взгляде моей спутницы читается странное, настороженное узнавание.

– Мы разве прежде встречались? – спрашиваю я с многозначительной усмешкой. – Вы рассматриваете меня так тщательно, словно пытаетесь вспомнить, где мы виделись раньше.

Она пожимает плечами:

– Нет, *вас* я вижу впервые. Хотя и встречала кое-кого, очень на вас похожего.

Наступает долгая неловкая пауза, в ходе которой я дивлюсь про себя: как же быстро эта дама распознала во мне что-то неестественное! А затем она добавляет:

– В смысле, женщину с азиатскими корнями.

Я испытываю облегчение. И поясняю:

– Моя прабабушка была вьетнамкой. Прадедущка увез ее с собой в Англию, а их дети и внуки уже вступали в браки только с англичанами. Но во мне все же есть азиатская кровь.

Папá не раз говорил, что темные глаза достались мне от Вань – или Ванессы, как она называла себя после замужества, – и что ему часто кажется, будто это она смотрит на него через меня. Я снова испытываю отчаяние. Оно подобно разверзшейся передо мной могиле, на краю которой я постоянно балансирую. Я делаю медленный, прерывистый вдох и вижу, как лицо моей собеседницы смягчается.

– Будем знакомы. Я баронесса Элизабет фон Бассевиц, – представляется она.

– Очень приятно, Люси Вестенра.

Тут в дверь энергично стучат, и в купе, пощелкивая своими щипчиками-компостером, заходит кондуктор. Уже с порога чувствуется, как бурлит его кровь, как кипит в венах жизненная сила. Я ощущаю привкус собственной крови и понимаю, что из неба готовы вот-вот показаться кончики клыков.

«Я сыта, – внушаю я себе. – Кровь этого человека мне не нужна, а потому с моей стороны опасность ему не грозит».

С веселыми прибаутками кондуктор пробивает билет баронессы, а когда оборачивается ко мне, я мысленно возношу благодарность за то, что яд действует на меня столь своеобразно: если у Влада голод превращает глаза в эдакие смоляные буркалы, горящие воспаленным красным огнем, то у меня они остаются прежними, без всяких изменений. Кондуктор берет билет и восхищенно замирает, заметив мою красоту.

– Э-э-э... Вам не слишком жарко, мэм? – угодливо спрашивает он, бросая взгляд за окно. – Это бессовестное солнце так и шпарит на ваше прелестное личико! Опустить вам жалюзи?

Я качаю головой:

– Спасибо, не нужно. Я люблю смотреть на природу.

– Да какая же это природа! – снисходительно возражает кондуктор. – Пока сплошное мелькание домов и улиц. Позвольте, я опущу жалюзи, специально для вас. А потом сами их поднимете, когда за окном прибавятся деревья да и солнце станет не таким ярким.

Кондуктор хочет сделать как лучше, он и понятия не имеет, кто я такая, однако его решимость укрыть меня от солнца действует на нервы.

– Очень вас прошу, не трогайте окно, – говорю я, но что-то в моей мимике, похоже, затмило ему рассудок.

Лучась блаженной улыбкой, он тянется к шнуру жалюзи.

– Сию минуту! Сейчас мы, ради вас...

Я беру кондуктора за запястье – вполне себе легкое прикосновение, но его лицо бледнеет, и, сжав челюсти, бедняга буквально отлетает в сторону. А когда я отпускаю кондуктора, на его бледной коже видны красные отпечатки моих пальцев.

– П-прошу прощения, – заикаясь, лепечет он и пятится из купе в коридор так быстро, что чуть не сбивает там кого-то с ног.

– Эй! Потише, дорогуша! – доносится оттуда веселый женский голос с характерным американским акцентом.

И вновь в моей памяти всплывают воспоминания о Квинси Моррисе: такой же вот протяжный голос, звонкий смех, его рука на моей талии, когда мы танцуем... и отблеск лунного света на его револьверах, нацеленных мне прямо в сердце.

– Вы меня чуть не расплющили. – Когда женщина продолжает говорить, я понимаю, что ее акцент несколько отличается от того, что был у Квинси.

Кондуктор ошарашенно извиняется и уходит, бросив на меня напоследок нервный взгляд. В дверях нашего купе стоит та самая незнакомка, столь похожая на Мину, что сердце мне вновь сжимает тоска. Я пытаюсь сосредоточиться на различиях в их внешности. Эта женщина явно выше ростом, и плечи у нее более широкие; у Мины талия тоньше, да и линия скул значительно мягче. И говорит американка звучным контральто, а не нежным медвяным голосом, как моя подруга.

– Элеонора Райт-Дэвис, вся как есть к вашим услугам, – с порога объявляет гостя. – Мой благоверный, слава богу, наконец заснул, вот я и решила подойти к вам и хотя бы поздороваться. Можно я присяду ненадолго?

– Благоволите, миссис Райт-Дэвис, – отвечает баронесса, учтиво наклонив голову.

– Да перестаньте, что за церемонии. Просто Нелл. Я замужем всего без году неделя, а потому еще не вошла во вкус и не привыкла к этой затейливой фамилии.

К моему разочарованию, новоприбывшая садится рядом с баронессой. Но когда глаза ее отыскивают мое лицо, я понимаю, что с этой выгодной позиции она может сколько угодно смотреть на меня... а я на нее.

Когда мы с пожилой дамой представляемся, Нелл изумленно воздевает брови:

– Баронесса? Я вижу, Англия буквально кишит всевозможными лордами и леди. Даже и не знаешь, с кем разговариваешь: а вдруг с членами королевской семьи?

– Какой у вас любопытный акцент. Случайно, не техасский? – интересуюсь я.

Нелл добродушно смеется:

– Англичане думают, будто мы там все разговариваем как ковбои. Но лично я из Нью-Йорка. Я понимаю, что это довольно дерзко с моей стороны, но как истинная американка не отличаюсь скромностью и хотела бы попросить вас рассказать о себе. Давайте начнем с вас, баронесса? Вы, похоже, интересная женщина.

– Что ж, возможно, – сухо отвечает пожилая дама, – если человека, который похоронил всех своих родных и теперь сам ожидает смерти, можно назвать интересным.

– О, простите! Мне так жаль...

Баронесса пожимает плечами:

– Да будет вам. Все мы смертны. Я ездила в Лондон на похороны сестры, а теперь вот возвращаюсь в Германию, дожидаться своей кончины. В каком бы виде она ни наступила. – В голосе баронессы, когда она переводит взгляд с Нелл на меня, слышатся пророческие нотки, и я вздрагиваю.

Нелл смотрит на меня с нежностью. Какие у нее удивительные глаза! Эх, вот бы найти краску такого оттенка синего и выкрасить ею свою спальню.

– Ну а вы? – спрашивает она. – Вы англичанка?

– Да, наша семья из Лондона, – отвечаю я. – А у вас с мужем медовый месяц?

Нелл рассеянно крутит золотое обручальное кольцо на пальце.

– Ага. Все случилось так быстро, что до сих пор голова кругом. Мы с Чарльзом познакомились на вечеринке в апреле: он покориł моих родителей своим мягким выговором и двухствольным именем. А месяц спустя сделал мне предложение, и мама... *настоятельно рекомендовала* мне согласиться, учитывая мой преклонный возраст. И вот на прошлой неделе мы поженились в разноцветье атласных платьев и грызущихся подружек невесты, а теперь отправляемся в поездку по континенту, как любая состоятельная пара. Романтично, не правда ли?

Я улыбаюсь бесшабашному фривольному тону американки, и даже баронесса поддается ее шарму.

– Ваша мать переживала насчет вашего возраста? – спрашивает она у Нелл. – А мне сдается, вид у вас для невесты вполне себе юный.

Нелл смешливо хмыкает:

– Юное личико – лишь инструмент, призванный шокировать и обезоруживать. На самом деле мне уже двадцать пять, и в своем кругу я считаюсь чересчур взрослой, чтобы засиживаться в девицах. Маман уже почти махнула на меня рукой, когда вдруг появился этот самый Чарльз. Что ж, он показался мне вариантом не менее сносным, чем любой другой.

– Что бы ваш супруг подумал, если бы услышал, что вы так о нем отзываетесь? – хмыкаю я.

Она одаривает меня неотразимой улыбкой:

– Да я для него ангел во плоти. Чарльз в восторге от моих денег, но я все же верю, что этот ворчливый увалень на самом деле любит и меня тоже.

При виде того, как Нелл крутит свое обручальное кольцо, сердце мне внезапно щемит от жалости к Артуру.

– А вы, баронесса, конечно же, были замужем? Полагаю, вы в свое время покориłи немало сердец.

Пожилая женщина несколько натянуто смеется.

– Да ну, какое там. Я не отличалась особой красотой и вовсе не была нарасхват. Предложение моего супруга оказалось единственным, которое я получила, мы поженились и прожили вместе целых пятьдесят лет, вплоть до самой его кончины.

– Вы, разумеется, любили своего мужа?

Баронесса колеблется.

– Любовь, дамы, дается нелегко. Но разве у нас, женщин, есть иной выбор? Супруг дал мне немало: дом, титул и нашего сына. Чего еще можно пожелать!

– Ну а вы, Люси? – обращается Нелл ко мне. – Вы-то своего мужа любили?

Я с мрачным смешком опускаю взгляд на гранатовый перстенок Влада.

– Любовь – не то слово, которое я бы в данном случае использовала. Но, по крайней мере, нельзя отрицать, что я сделала выбор от всего сердца.

– Я так понимаю, ваш муж был не очень приятным человеком?

– Как раз наоборот, – отвечаю я в надежде, что Влад меня слышит. – На самом деле он часто ведет себя так, будто прожил на свете лет пятьсот и знает все, что только можно знать.

– И вы говорите так, будто он все еще жив, – замечает баронесса.

Я приподнимаю бровь:

– Можно сказать, что я по-прежнему ощущаю с ним связь, даром что его здесь нет.

Нелл одаривает меня еще одной сбивающей с толку улыбкой.

– Эти зануды-мужья оставляют неизгладимый след, не так ли?

– А позвольте теперь вас спросить: чем бы вы занимались, если бы не вышли замуж?

– Я? Владела бы сейчас каким-нибудь шикарным отелем, купалась в бриллиантах и флиртовала там с кем ни попадя.

– Какая вы предприимчивая и, как бы это сказать... в общем, настоящая американка, – говорю я и, не в силах более сдерживаться, добавляю: – Будь здесь моя подруга Мина, она была бы потрясена. Для нее брак – серьезнейшая из тем.

– То есть ваша подруга лишена фееричных современных идей об эмансипации? Мне кажется, большинство мужчин оценили бы Мину, посчитав ее идеальной женщиной эпохи.

Оттого что Нелл невольно вторит словам Влада, меня пронзает дрожь.

– Ну почему же. Женскую независимость она вполне одобряет, – заступаюсь я за Мину. – Какое-то время она была моей гувернанткой, но в конце концов вышла замуж.

– А мне, если бы я не была замужем, ох как многое хотелось бы сделать, – дрогнувшим голосом произносит баронесса и закрывает глаза.

Мы ждем продолжения, но секунду спустя она начинает тихонько похрапывать.

Мы с Нелл смотрим друг на друга, подрагивая от беззвучного смеха.

– Я, пожалуй, пойду, – шепотом говорит она.

– Нет, посидите еще! – Мой ответ звучит слишком поспешно, чтобы выглядеть уместным, но я ловлю себя на том, что мне все равно. – А то побеспокоите мужа и не дадите ему толком выспаться, если вернетесь в свое купе прямо сейчас.

– Какая вы заботливая, – игриво усмехается Нелл. – Хотя я бы и сама предпочла остаться здесь. Бедняга Чарли не тот человек, чтобы любоваться на него часами напролет. Не то что вы, Люси. И думается мне, вы чувствуете то же самое. Хотя вы его порядком сконфузили своим чересчур пристальным вниманием.

Я невольно рдею.

– Если честно, я была поражена, увидев ваше лицо. Вы удивительно похожи на мою Мину.

– На ту самую идеальную женщину? Вы давно с ней знакомы?

– О, большую часть жизни. И любить ее я буду до конца своих дней, уж сколько их там осталось.

«Хотя думаю, что она во мне больше не нуждается». Грудь снова сдавливает от боли.

– Простите, – тихо произносит Нелл, уловив, как изменился мой голос. – Я ничего не знаю о вас с Миной, но рискну предположить, что ваша любовь всегда будет значить для нее очень многое.

– Как вы догадались? – растроганно спрашиваю я. – Мы ведь с вами посторонние люди.

– Некоторые незнакомцы могут на поверку оказаться даже ближе родственников... И я сейчас чувствую, что ты можешь стать таким человеком для меня. – Нелл легко переходит

на «ты», и взгляд ее прикован ко мне, как у художника, изучающего то, что он собирается нарисовать. – В тебе есть что-то такое, непередаваемое... *Живое*, Люси Вестенра. Даже в том, как ты разговариваешь, смеешься, смотришь на меня. В тебе есть искра, которой я больше ни в ком не встречала. Потому, наверное, так долго оставалась одинокой. Не хотелось спутываться с кем-то, в ком чувств не больше, чем в дохлой рыбе.

Я подавляю смешок.

– Чарльзу повезло, что ты не подумала так и о нем тоже.

Нелл небрежно пожимает плечами:

– Просто я уже отчаялась найти подходящего человека, и Чарльз показался мне достойной альтернативой участи старой девы. В конце концов, он ничуть не хуже остальных, чем не вариант? Но ты, Люси... – Ее щеки зарумянились. – На месте твоей Мины я была бы рада сойтись с кем-то, кто пламенеет так же ярко, как ты. Ты наполняешь этот блеклый, унылый мир красками... Нам всем их немножко не хватает.

Нелл встает и оглаживает юбку, явно смущенная этими своими излияниями.

– Ты уже уходишь? – с тихой тоской спрашиваю я.

– Пора возвращаться к Чарльзу, – произносит она со вздохом. – Иначе он будет дуться. А с тобой мы, надеюсь, еще поговорим. Ты ведь тоже направляешься во Францию?

– Да. Отплываю из Дувра в Кале.

– Как и мы. Вот и хорошо.

Нелл тянется к моей руке, обхватывая мои ледяные пальцы своими, теплыми. И, не сказав больше ни слова, выскальзывает из купе, оставляя после себя аромат цветочных духов, а также воспоминания о небесно-синих глазах и томительном тепле ее ладони.

Глава вторая

Когда под вечер поезд прибывает в Дувр, небо нависает над головой хмуро и грозно, затянутое зловещими тучами. Хлещет дождь, подгоняемый промозглым ветром.

– Дамы, вы планируете отправиться на пароме в Кале? – спрашивает нас с баронессой носильщик. – Если да, то прошу пройти вон туда. У кондуктора есть сообщение для всех, кто отбывает на пароме.

– Звучит как-то тревожно, – тихо молвит баронесса, вглядываясь в небо. – Видимо, путешествие затянется? Честно сказать, я бы предпочла остаться на ночь в городе, нежели качаться на волнах.

Охваченная пронзительной ностальгией, я бормочу что-то невнятно-утешительное и смотрю на Дувр. Вокруг, несмотря на непогоду, шумно и всюду кипит жизнь. Извилистая булыжная мостовая петляет среди аккуратных городских зданий. Каменные днища улиц полны людей с зонтиками; мимо хорошо освещенных витрин магазинов звонко грохочут экипажи. А за всем этим стеной обрывается в бушующие волны белая скала, и чувствуется дыхание водной стихии – острое, солоноватое и невыносимо соблазнительное. Если закрыть глаза, то можно представить себя во власти летней грозы в Уитби, проводящей вечера с незнакомцем, который, казалось, заглядывал в глубины моего несчастного сердца.

Перед моим мысленным взором возникает картина недавнего прошлого. Двое влюбленных, объединенные мечтами, безмолвно смотрят на море: мужчина, который одновременно и здесь, и где-то там, далеко, и юная девушка, полная неизъяснимого томления. Остановила бы я ее сейчас, если бы могла с ней заговорить? Стала бы предостерегать ту глупую, взбалмошную Люси, убеждая ее не поддаваться разрушительному стремлению; бранить за то, что, имея любовь Артура и Мины, она все равно хочет большего и взбирается на утес в такой же вот шторм, чтобы встретить свою мрачную судьбу в пучине моря?

Я ненавижу себя за то, что скучаю по Владу – такому, каким он был прежде, когда, обнимая меня, сочувственно выслушивал, словно бы искренне желая разделить со мною все заботы. Хотя, вообще-то, того мужчины на самом деле никогда не существовало. Пользуясь жалкими крохами его привязанности, я рисовала портрет, основанный на собственных фантазиях, а не на реальности. И вот теперь, даже когда я знаю правду, этот портрет запечатлен во мне навеки.

«Люси, тебе не освободиться от меня никогда».

Мои размышления прерывает нервный, срывающийся на крик голос:

– Нет, ну надо же! Это форменное безобразие! Так водить людей за нос! – Чарльз Райт-Дэвис отчитывает кондуктора перед пассажирами поезда. – Паром отходит только завтра? Просто невысказанно! Мы с женой должны отправиться в Кале нынче же вечером! Думаете, я на вас управы не найду?

У стоящей рядом с ним Нелл смущенный вид.

– Дорогой, ну что ты хочешь от этого бедного служащего? Он ведь не распоряжается погодой.

Кондуктор бросает на нее благодарный взгляд.

– Прошу простить, сэр. Я всего лишь передаю сообщение, которое получил из порта. Все суда задерживаются, а первый паром отправляется только в девять утра. Могу предложить вам переночевать в отеле «Белый утес» – надеюсь, он удовлетворит все ваши запросы? – И спешно добавляет, перекрывая недовольный ропот толпы: – Завтра милости прошу всех на пристань, к половине девятого!

– «Белый утес» – звучит очаровательно, не правда ли? – воркует Нелл, словно бы обращается не к мужу, а к маленькому ребенку, и мне становится жаль: угораздило же бедняжку на всю жизнь связать себя с этим человеком.

Мы встречаемся с ней глазами.

– Тем более посмотри: здесь мои подруги, баронесса фон Бассевиц и Люси Вестенра. Мне будет приятно видеть знакомые лица.

Чарльз щурится, явно не узнавая нас:

– Что, и в самом деле баронесса?

Они исчезают из виду, теряясь в вытекающей из здания вокзала толпе. Мы с баронессой находим экипаж, и я сую кучеру щедрые чаевые, чтобы он больше никого к нам не подсаживал. Дело в том, что мне трудно за себя ручаться, сидя бок о бок с кем-либо еще: все внутри так и сжимается от голода, даже при неаппетитном запахе старческой крови, с примесью пудры и выцветших кружев.

– Люси, вы хорошо себя чувствуете? – что-то заметив, спрашивает моя спутница. – Наверное, устали... и, конечно же, проголодались?

– Да, вы правы.

По счастью, ехать до отеля оказывается недалеко – вот он, уже сияет приветливыми огнями. Я узнаю некоторых из пассажиров поезда, но не вижу нигде Нелл и Чарльза. На входе в вестибюль меня оглушает глухой гул тысяч сердец, бьющихся вразнобой и в унисон.

Прерывисто дыша, я расплачиваюсь у конторки портье за номер, а тем временем баронесса неподалеку принимает ключ от своих апартаментов у любезного разговорчивого портье.

– Мадам, можете быть уверены: в интересной компании у вас здесь недостатка не будет, – с энтузиазмом тараторит он. – В «Белом утесе» кого только не встретишь! К примеру, всего десять минут назад мне пришлось объясняться с одним доктором, который очень хотел ознакомиться со списком наших постояльцев. Я, понятное дело, отказал ему, ведь мы строго блюдем конфиденциальность гостей.

– С чего бы ему вдруг понадобился список ваших постояльцев? – недоумевает баронесса.

– Видите ли, у нас нередко останавливаются весьма важные персоны. Например, на прошлой неделе здесь гостил один знаменитый тенор – наверняка этот человек надеялся завести знакомство с кем-нибудь подобным. Хотя, насколько я понял, его интересовали гости иноземной наружности. Не просто те, кто имеет иностранный паспорт, но такие, кто и выглядит необычно. Имеет экзотическую внешность. Не правда ли, странно?

При виде моей оливковой кожи и темных раскосых глаз служащий торопливо кланяется.

– Мы рады принимать у себя посланцев всех народов! – подобострастно восклицает он. – Для нас все люди одинаковы.

Я поворачиваюсь к баронессе и сама удивляюсь, отчего мысль о каком-то там докторе, задающем странные вопросы, ввергает меня в такое замешательство.

– Желаю спокойной ночи, баронесса.

– Мы разве не увидимся с вами за ужином?

– Ах да. Наверное.

Вслед за двумя мальчиками-носильщиками я поднимаюсь по лестнице, радуясь возможности оказаться наконец в тишине и одиночестве. Я старательно внушаю себе, что для врача нормально интересоваться другими постояльцами. А мое беспокойство объясняется просто: я всего лишь тоскую по своей прошлой жизни.

Должно быть, именно поэтому я так много и часто думаю о Мине, Артуре и Квинси. И неудивительно, что, услышав про любопытного врача, сразу вспомнила о докторе Абрахаме Ван Хелсинге. Совсем недавно этот незаурядный человек, умный и проницательный, ворвался в фамильную усыпальницу Вестенра с целью уничтожить меня. Да и теперь, не сомневаюсь, Ван Хелсинг, подобно Квинси, горит желанием умертвить меня. Но он сейчас наверняка находится у себя дома в Амстердаме, а не в этом залитом дождем приморском городке, охотясь за женщиной, которая, по его убеждению, является нежитью.

К тому моменту, как мы добираемся до моего номера, мальчишки-коридорные, которые волокут чемоданы, уже натруженно сопят. Я не скуплюсь на чаевые и со вздохом облегчения запираюсь внутри, отрешаясь от какофонии запахов и звуков.

Номер небольшой и вместе с тем уютный. Кровать с покрывалом в голубой цветочек, старый шкаф, довольно простецкие письменный стол и стул. Я подхожу к окну, избегая смотреть на свое жутковатое отражение, и, только когда мой нос прижат к стеклу, осмеливаюсь взглянуть на море, слабо различимое сквозь густую дымку. От неба и тумана его отделяют лишь едва заметно пенящиеся волны с белесыми гребешками, а так все – сплошь одна непроницаемая сизовато-серая пелена.

Меня вдруг пронзает острое желание взобраться на эту стену утесов над разбивающимися о них волнами. Шум дождя успокоил бы меня, а еще помог бы заглушить запах крови, который, кажется, витает повсеместно... Однако, если я сейчас отправлюсь на прогулку, слишком уж много людей увидят меня и столкнутся с моим растущим голодом. Первым делом надо подкрепиться.

Я достаю тот кусок сырой оленины. Боль пронзает десны, когда я вонзаю клыки и ем мясо, ощущая вкус собственной крови и крови животного. Это пресное блюдо и близко не сравнится по вкусу с человеческой кровью... Но я сразу же отбрасываю эту мысль, поскольку перед моим мысленным взором все еще маячат лица невинно убиенных мною людей – бродяги, на которого я налетела в ночь своего преображения; той несчастной молодой женщины, которую меня заставил умертвить Влад; и случайного прохожего, с которым я столкнулась возле доков. Все трое теперь – бездушные, бесцельно блуждающие тела, пустые оболочки, ковыляющие в мире тумана, где Влад прячет своих жертв и повелел мне прятать моих собственных. Я вижу их ясно как день, как фотографию самых темных моих деяний, и горло сжимается от раскаяния.

Влад убивает просто так, без зазрения совести. Он может, не задумываясь, опустошить полный матросов корабль или же, потехи ради, выцедить кровь у одинокой вдовы, а потом не только не станет сожалеть о содеянном, но, напротив, будет даже довольно улыбаться.

«Но я не уподоблюсь ему, – твержу я как клятву. – И никогда не испытаю удовольствия оттого, что причиняю людям боль и смерть».

Тут я замечаю на столе тарелку с пирожными и печеньем – комплимент от отеля. Невольная улыбка касается моих губ при виде слоеных пирожков с клубникой, любимого лакомства детства. Я заканчиваю свою постылую трапезу, отираю лицо и руки и неуверенно беру пальцами легкий воздушный десерт. Затем откусываю маленький кусочек и закрываю глаза, погружаясь в поток образов и ощущений.

Я чувствую тепло лета и вижу, как кусты клубники пускают корни в темную почву, а на побегах появляются блестящие плоды, сочные, красные и такие ароматные. Вот взбивается масло, молоко превращается в сладкие желтые комочки, которые затем смешивают в миске с мукой и сахаром. Сладко пахнущее тесто подрумянивается в духовке. Мама в гостинной смеется, когда мы с ней уплетаем по пирожку. В саду меня поджидает Мина, и наши липкие от джема пальцы соприкасаются, когда мы делим на двоих один пирожок. Развеваются на ветру белые платица, резво бегут по росистой траве босые ноги, а лианы клематиса пьянят своим ароматом, как полузабытый сон.

На этот раз я уже не сопротивляюсь нахлынувшему на меня отчаянию. Опускаюсь прямо на пол, пачкая темную юбку оставшимся на пальцах джемом, и даю волю рыданиям. Нет, это не сожаление о том существовании, от которого я по своей доброй воле отказалась, – вернее, не совсем так. Просто я начинаю понимать, что можно тосковать по жизни, о которой я никогда не просила, по всем тем людям, радостям и переживаниям, которых у меня больше никогда не будет, коль скоро я окажусь заперта в замке Влада на вершине какой-то запредельно одинокой, открытой зимним ветрам горы. К тому времени, как слезы заканчиваются, я уже изнемогаю от печали, одиночества и неодолимой потребности вновь увидеть Мину и Артура.

Мой взгляд устремляется в туман за окном, и я усаживаюсь, расправив плечи, охваченная надеждой. Влад впервые обнаружил меня блуждающей в моих снах – будучи лунатиком, я шла прямо к нему, словно бы туман был тропой между явью и сном, мостом между живыми и мертвыми. Его тело находилось вдалеке, на корабле посреди моря, и тем не менее он одновременно пребывал со мной. Я ощущала прикосновение его рук, губ и языка еще до того, как он добрался до Англии, а сама я сейчас еще не слишком далеко от Мины и Артура. Может, туман способен точно таким же образом перенести меня в *их* сны?

Я встаю и спешу открыть окно.

«Перенеси меня к Мине! – мысленно взываю я, в то время как туман, клубясь, проникает в комнату. – Приведи меня к Артуру!»

Увы, ничего не происходит.

Я облокачиваюсь о стол и размышляю. Влад считал себя мечтателем вроде меня. Возможно, когда мы нашли друг друга в тумане, он как раз спал на том корабле – или же пребывал в состоянии, настолько близком ко сну, насколько подобное ему чудовище вообще способно на такое обыденное человеческое деяние. Если моя догадка верна, то Влад непременно находился в тот момент в одном из своих многочисленных деревянных ящиков с землей, потому как лишь в темной почве своей родины, в безопасности от палящего света солнца и людского любопытства, он может обретать покой.

Прямо в одежде я ложусь на кровать и, дав туману меня укутать, закрываю глаза, после чего в своем тоскующем воображении представляю себе Артура: рослая худошавая фигура, высокий лоб, зачесанные назад каштановые волосы и глаза, цвет которых в зависимости от освещения варьируется от орехового до зеленого. Я вижу милую ямочку на щеке, которую так и хочется поцеловать, и слышу низкий голос, нежно произносящий мое имя... Но хотя возлюбленный оживает перед моим мысленным взором, туман отказывается явить мне его во плоти.

Ворочаясь с боку на бок, я переключаюсь мыслями на Мину: ее голубые глаза сияют, носик морщится от смеха, благоухающие лилиями волосы ниспадают золотистыми волнами, как у сказочной принцессы, а пламя свечей превращается во что-то осязаемое. Я цепляюсь за память о ней и размеренно дышу, позволяя своему желанию полностью поглотить меня.

«Ну пожалуйста, – молю я туман. – Пожалуйста, перенеси меня к Мине».

Постепенно лампы в комнате гаснут...

Мои глаза распахиваются.

Я стою в доме, который мне незнаком. Какое странное, причудливое ощущение – я чувствую разделенность, раскол в своем физическом «я». Одна моя половина лежит на кровати в гостиничном номере, а другая озирает этот темный зал с обоями цвета сирени, истертыми половицами, вазой с цветками лаванды, которая двоятся в зеркале с витиеватой рамой, и окнами, что выходят на дождливую, обсаженную деревьями улицу.

Я подхожу к цветам и вдыхаю их успокоительный аромат, вспоминая, как всегда любила лаванду Мина. Мои движения медленны и изящно-мечтательны, словно я снова хожу во сне. Когда же я поднимаю голову и вижу свое отражение в зеркале, то замираю как вкопанная.

Там запечатлен мой прежний образ – я такая, какой была раньше. Черные волосы собраны в тугую узел, изогнутые брови над широко распахнутыми глазами приподняты, а полные губы приоткрыты от изумленного осознания того, что моя кожа безупречна. На ней больше нет пунцовых капель, как нет и мерзких крапин в белках моих глаз. Моя теневая личина, свидетельница того, что сделал со мною Влад, загадочным образом исчезла.

Невесть почему в этом зеркале я такая, какой была всегда.

– Что происходит? – шепчу я. – Где я?

В коридоре что-то со стуком опрокидывается. Я спешу на звук, охваченная безумной надеждой; мчусь навстречу радости воссоединения, как заблудившийся моряк, вдруг вернув-

шийся в родную гавань. Каким-то образом мои усилия увенчались успехом: я убедила туман помочь мне. Но куда он привел меня – к Артуру или же к Мине?

Дрожащими руками я провожу себе по лицу.

И останавливаюсь в дверях кабинета, оклеенного темно-красными обоями. На полу здесь мягкий ковер, камин освещает полки с томами в кожаных переплетах и медными статуэтками. Передо мной стол красного дерева, который завален листами бумаги, исписанной небрежным, смахивающим на паутину почерком. Слякка чернил опрокинулась, и мужчина, который сидит за столом, с помощью носового платка и рукава своего бордового халата тщетно пытается остановить изливающуюся на бумаги струйку. В тот момент, когда наши взгляды встречаются, я понимаю, что туман, вопреки моим чаяниям, перенес меня вовсе не к Мине.

А привел меня к ее мужу, Джонатану Харкеру.

Глава третья

Мы с Джонатаном неотрывно глядим друг на друга. Удивление и разочарование борются во мне с негодованием, которое я испытываю всякий раз, когда смотрю на этого человека. Я никогда не могла найти с ним общего языка, а теперь мы одни, без Мины, которая послужила бы мостом между нами. Джонатан выглядит гораздо старше своих двадцати четырех, как будто постарел на целое десятилетие с тех пор, как мы с мамой устроили для них в феврале вечеринку в честь помолвки. За эти семь месяцев моя жизнь изменилась так, что и представить сложно, и, судя по внешности Джонатана, в его жизни тоже произошли изрядные перемены.

Отсветы камина выдают проблески седины в его темно-золотистых волосах. Подбородок и щеки, обычно чисто выбритые, обросли тощей бородкой. Тени углубляют впадины на выступах костлявых скул, и я с удивлением замечаю, как подрагивает рука, держащая носовой платок. Испуганным или неуверенным я еще не видела Джонатана никогда. Его показная невозмутимость всегда меня раздражала, как и надменная уверенность в том, что он вполне заслуживает такую женщину, как Мина.

Лишь в цепкости пронзительных серых глаз угадывается тот прежний Джонатан, который мне памятен, – служащий адвокатской конторы, умный, толковый, с хорошо подвешенным языком. Впрочем, нет... он ведь теперь больше не простой клерк. В своем последнем письме Мина рассказывала, что ее муженек после смерти мистера Хокинса унаследовал и его состояние, и юридическую практику, фактически даром заполучив столько благ сразу. Горечь переполняет мое сердце. Ну почему этот мир, который счел нужным уготовить мне лишь одно поприще – жены и матери, столь щедр к мужчинам, а они воспринимают свою свободу как должное?

– Я сплю, – с томной медлительностью произносит Джонатан, и на лице его одновременно отражаются страх и неверие. Он даже не замечает, что чернильные капли, падающие с носового платка, орошают ему халат. – Это всего лишь сон.

Клубы тумана вкатываются вслед за мной в кабинет.

– Где Мина? Я хотела видеть ее, а не тебя.

– Люси? Откуда ты вдруг взялась в моем сне? – спрашивает он, игнорируя мой вопрос. – Изо всех именно *ты*, покойная подруга моей жены. Я хранил Мине верность всегда, даже в самых своих сокровенных мыслях, хотя это было нелегко. Как я могу изменять ей сейчас, во сне?

– Ой, тоже мне скромник нашелся! А то я не помню, как ты пялился на красивых женщин. Джонатан потирает утомленное лицо, пачкая чернилами щеки.

– Но мне снится совсем другая женщина. *Мертвая*. Та, которая мне, между прочим, и при жизни никогда не нравилась.

– Да неужели? Ах, какая потеря!

Вообще-то, я и сама всегда не жаловала Джонатана, однако слышать, что ему, видите ли, не нравилась я, довольно неприятно.

Он зажмуривается, а потом вновь открывает глаза, словно бы надеясь, что я вдруг исчезну. И заявляет:

– Я никогда не понимал, что у вас с Миной общего. Как она может любить такую тщеславную, избалованную и эгоистичную особу. Столь непохожую на нее саму. Разве недостаточно того, что эта сердцеедка, – Джонатан почему-то говорит обо мне в третьем лице, – вскружила головы трем достойным, дельным мужчинам, раскрутив их на предложение руки и сердца? И вот теперь и я тоже вынужден грезить о ней в своих снах? Ну и ну! Неужто никто не защищен? Сгинь, морок, и не возвращайся больше никогда!

Я хмурюсь:

– Ты всегда настолько груб в своих сновидениях? Вообще-то, если уж на то пошло, я тоже никогда не понимала, как Мина могла полюбить *тебя*. Такого чванливого и высокомерного, хотя в заслугу себе ты можешь поставить разве что везение.

Джонатан ерзает на стуле.

– То есть как это?

– Удача благоволит тебе, только и всего. А ты уж от спеси раздуваешься так, словно талант сочтется у тебя из каждой поры, и...

Я чуть не спотыкаюсь о стопку бумаг и, раздраженная, подхватываю несколько листов.

– Вот! Мина, будучи гувернанткой, заставляла меня развешивать платья сообразно цветам, а ты позволяешь себе так захламлять кабинет! Почему здесь повсюду груды мусора?

Джонатан почему-то внезапно пугается еще больше.

– Ты ведь на самом деле не здесь, правда? – молитвенно шепчет он, а затем издает страдальческий стон. – Ну конечно же нет! Мне уже несколько месяцев плохо спится, и у меня помутился рассудок. Я всего лишь сплю, а Люси Вестенра...

– Да. Мертва. Ты это уже говорил.

При виде столь невыносимого зануды (бедная моя подруга!) впору закатить глаза, но я опускаю взгляд на бумагу, которую держу в руке. Там вверху нацарапана дата – «3 июня сего года», а далее следует: «*Замок кажется огромным, судя по тому немногому, что я могу разглядеть, а по залам гуляет странный ледяной сквозняк, хотя все окна тщательно заперты...*»

Увидев, что я читаю, Джонатан выскакивает из-за стола.

– А ну дай сюда! Тебе нельзя это смотреть! – кричит он, пытаясь вырвать у меня листы. – Верни немедленно!

Я сжимаю бумаги крепче.

– А что ты вдруг так всполошился? Подумаешь, всего-то дневниковые записи...

– Это не предназначено для посторонних!

Наши руки соприкасаются, и Джонатана словно бы вдруг ударяет током. Он летит на пол и в ужасе прижимается к столу. Должно быть, ощутил холод моей кожи столь же явственно, как я всегда чувствовала это у Влада. Но мои сны о Владе неизменно были томными, приятными и пронизанными темным желанием. Для Джонатана же это видение с моим участием – явный кошмар.

– Ладно, не буду читать, если это тебя так расстраивает, – говорю я, сжавшись. – Просто разложу листы по местам. – Однако вскоре понимаю, сколь безнадежны подобные попытки. – У тебя что, со всеми бумагами такая неразбериха? Как ты можешь так жить? А еще считаешь себя толковым юристом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.